

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.3>

УДК 101.8+159.922

ББК 87.6

ТРУД В НАЧАЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Виталий Витальевич Глущенко

Аспирант кафедры философии, политологии и права,
Краснодарский государственный институт культуры
kutx2001@mail.ru
ул. им. 40-летия Победы, 33, 350072 г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья развивает концепцию Б.Ф. Поршнева о начале человеческой истории. Используя диалектический метод, автор выделяет некоторые особенности труда в начале человеческой истории. В статье приводятся новые аргументы в пользу теории «инстинктивного труда» первобытного человека. Для этого привлекаются новейшие материалы зарубежной антропологии, результаты исследований доместикации растений, исследования отечественной филологии древних памятников, а также сведения из классических работ по психологии. Автор проводит сравнительный анализ первобытного и современного труда и показывает, что первобытный «инстинктивный труд» вошел в состав труда в его современном понимании. Делается общий вывод о противоположности содержания понятий труда в начале истории и в наше время.

Ключевые слова: труд, социальность, эволюция, палеолит, палеопсихология, суггестия, начало человеческой истории.

У человеческой социальности имеется четкий критерий, позволяющий отделять ее от того, что называют «социальностью» зоопсихологи и этологи: человеческая социальность имеет свою собственную историю, в то время как изменение признаков «социальности» у животных неразрывно связано с биологической эволюцией их видов. Этот факт, пока он никем не опровергнут, позволяет нам утверждать социальность в собственном смысле только у человека и крайне скептически относиться к таким приходящим из мира науки известиям, как то, например, что «дрожжи в последние годы стали излюбленным объектом ученых, занимающихся поведением социальных систем» [5, с. 311].

Что касается действия естественного отбора – главного фактора эволюции – на человека, то в основном оно было уже на заре истории. Причиной для его остановки стало появление общественного производства, важ-

нейшим признаком которого является создание орудий труда. Столь глубокая связь человеческой социальности с трудом позволяет нам не останавливаться подробно на обосновании актуальности выбранной нами темы. Все, что касается труда, всякие попытки поновому взглянуть на этот феномен, раскрыть его новые грани неизбежно будут оставаться актуальными, пока существуют человек и человеческое общество. В настоящей статье, как следует из ее названия, мы рассмотрим труд в начале человеческой истории, опираясь на теоретические разработки основоположника палеопсихологии (наука о начале человеческой истории), советского ученого-марксиста Б.Ф. Поршнева, а также приведем некоторые новые аргументы в пользу теории «инстинктивного труда».

Своеобразное производство и даже создание орудий труда мы находим и у животных (простейшие примеры: паутина у паука,

каналы, которые роют бобры для доставки бревен при строительстве плотины). В чем же разница между ними и человеком? «Важнейшим признаком, отличающим орудия человека от орудий животных, служит факт развития, изменения орудий у человека при неизменности его как биологического вида» [9, с. 369]. Таким образом, обнаружение отрыва развития орудий человека от его собственного биологического развития и должно служить для нас точкой, в которой возможно констатировать начало человеческой истории.

Взглянув под этим углом на данные антропогенеза, мы обнаружим, что на протяжении всего нижнего и среднего палеолита каменные «орудия труда» троглодитид – биологических предков человека как социального существа – хотя и не оставались неизменными, однако изменялись лишь параллельно преобразованию самих видов либо условий их обитания. Более того, морфологические изменения троглодитид обгоняли изменения каменных орудий, которые в этой связи правильнее было бы рассматривать как их экзосоматические рабочие органы. Только с появлением кроманьонца изменения в орудиях оторвались от анатомо-морфологических изменений, что было убедительно показано еще в 1950-е гг. советским антропологом Я.Я. Рогинским [12, с. 146]. Огромное число находок, добавившихся с тех пор в арсенал археологов – специалистов по палеолиту – не изменило общей картины. Значит, как не было тогда, так и нет теперь оснований говорить об общественном производстве у «человека» нижнего и среднего палеолита, а следовательно, и о его общественной природе. «Только с того времени, когда орудия изменяются, а вид стабилизируется, можно говорить о производстве в собственном смысле – об общественном производстве» [9, с. 370].

Но если мы и не можем говорить об общественном производстве у троглодитид, то вполне можем – об эволюционной подготовке плацдарма для его возникновения. Все более частые глубокие изменения в плейстоцене географической среды – климата, флоры, фауны – неизбежно влекли за собой модификации приемов обработки камня, темп которых в свою очередь нарастал. Интервалы между ними оставались все еще очень большими для

констатации социальной формы развития, но уже становились слишком маленькими для биологической, препятствуя глубокому наследственному закреплению возникающих инстинктивных форм поведения и тем самым облегчая возможности новой модификации. Если когда-то изменения подразумевали неизбежное вымирание не сумевшего к ним приспособиться большинства популяции, то теперь в природе стало возможно обходиться без него. Высокой приспособляемости троглодитид также способствовал сверхразвитый у них имитативный рефлекс [9, с. 223], позволявший особям быстро перенимать новые формы поведения.

В любом случае труд, сделавший «из обезьяны человека», мог быть только инстинктивным трудом, то есть еще не связанным с сознанием и творческой мыслью. Положение об инстинктивном труде, хотя и содержащееся в 5 главе 1 тома «Капитала» Маркса [5, с. 189], было, пожалуй, одним из главных камней преткновения, не позволявших официальному советскому марксизму принять палеопсихологию Поршнева. Этот «деревянный» (по выражению Михаила Лифшица) марксизм предпочитал не замечать очевидного противоречия между тем, что главным атрибутом трудовой деятельности является ее сознательная целенаправленность (отличающая самого плохого архитектора от самой лучшей пчелы), и тем, что этот же самый (уже целенаправленный) труд сперва должен был создать самого человека – вместе с его исключительным свойством заранее иметь в голове достигаемую в процессе труда цель.

Совсем недавно теория инстинктивного труда получила новое подкрепление в связи с одним неожиданным открытием исследователей африканских кочующих охотников и собирателей хадза, относимых к числу самых примитивных этносоциальных общностей на Земле. Хадза не знают ни вождей, ни частной собственности, да и личная собственность у них сведена к минимуму: ножи, лук и стрелы, шкуры животных и другие вещи, которые можно носить с собой. Всю добычу они доставляют в общину, чтобы потребить ее совместно. Язык хадза относят к числу изолированных [13, с. 447], что само по себе доказывает особую «древность» этого народа. Интерес-

но, что говорящие на суахили соседи хадза в качестве применяемых к ним этнонимов используют слова, отражающие изолированность этого этноса, в том числе слово, которое можно перевести как «беглецы».

Общность хадза строится по типу «гасующихся групп» [9, с. 236–237]. Это значит, что семьи хадза объединяются в небольшие кочующие вместе общины с непостоянным составом. По желанию своих членов они могут объединяться или разделяться; территории, занимаемые ими, не имеют четких границ, то есть фактически каждый хадза может жить, охотиться и собирать пищу там, где пожелает. Размеры таких групп колеблются в пределах 7–30 человек, в среднем составляя 18–20 человек [10, с. 40; 17, с. 193–196]. В сухой сезон хадза объединяются в более крупные сообщества по 100–200 человек, в сезон дождей – вновь живут отдельными общинами [16, с. 52; 18, с. 103–105].

И вот, оказалось, что в почти половине случаев перемещения хадза в поисках пищи подчиняются математическому принципу «блуждания Леви» (или «полета Леви»), который описывает случайные функциональные перемещения, не имеющие ничего общего с сознательно определяемой целью.

«Блуждания Леви являются поисковой стратегией случайного блуждания, используемой самыми разнообразными организмами при поиске неравномерно распределенной пищи. Этот тип поиска включает в себя в основном перемещение короткими отрезками (определяются как расстояние, пройденное перед паузой или изменением направления) в сочетании с редкими более длинными отрезками» ([14, с. 728], перевод с англ. – В. Г.). Изначально с помощью этой модели описывали турбулентные потоки, то есть явления неживой природы. Позже ей нашли применение в биологии: оказалось, что блуждание Леви демонстрируют собирающие нектар пчелы и рыскающие в поисках добычи морские хищники (в более спокойном состоянии они передвигаются в режиме броуновского движения). Уже после выхода статьи о хадза в другой статье блуждание Леви было признано «оптимальной стратегией поиска пищи» [15]. Но, как бы то ни было, еще раз отметим, что это – случайные перемещения, не требующие со-

знательного выбора направления, перемещения без определяемой и удерживаемой в голове цели.

Далеко не всегда хадза демонстрируют обозначенную «оптимальную стратегию». Очевидно, что когда они преследуют добычу или направляются к источнику пищи, о местонахождении которого известно заранее, то их перемещения не случайны и составляют у них более половины всех случаев. Только в оставшейся «почти половине случаев» процесс добывания пищи у хадза можно признать инстинктивным трудом. Но и этого достаточно, чтобы разглядеть отчетливый след первобытности.

Важно заметить, что инстинктивный труд хадза, как и инстинктивный труд первобытных людей, существенно отличается от инстинктивного труда животных тем, что в своем истоке он подчинен второй сигнальной системе. Не инстинкт, а суггестия, подчинение общинному «мы», гонит хадза на поиски пищи; именно суггестия, а не голод, потому что все добытое они доставляют в лагерь и делят, а не просто съедают. Но сами поиски пищи, сам процесс труда, в значительной части все еще протекают рефлексивно.

В заключение заметим, что, согласно наблюдениям тех же самых ученых, блуждание Леви демонстрируют не только хадза, но даже и вполне цивилизованные люди – в тот момент, когда, к примеру, прогуливаются по парку развлечений, то есть когда их перемещение в пространстве происходит в «автоматическом режиме», не подчиняясь удерживаемой в сознании цели, когда сама цель прогулки – отвлечься от труда.

Другим подтверждением инстинктивности первобытного труда являются результаты исследований по воссозданию картины окультуривания растений. Сегодня ученым известно 20 центров окультуривания растений, разбросанных по всему миру, развивавшихся асинхронно и с разным набором культур. Возможно, со временем их окажется больше, но уже и имеющейся информации достаточно, чтобы можно было сделать первые обобщающие выводы. Прежде всего, «почти во всех случаях одомашнивание растений начиналось примерно за тысячу лет до появления первых оседлых поселений земледельцев с навыка-

ми аграриев». Кроме того, обращают на себя внимание не зависящие от локальных особенностей «сходные темпы формирования морфологических признаков культурных сортов или видов» [6]. Сопоставление этих выводов раскрывает перед нами интересную картину. Предполагать, что наши предки на протяжении не менее 30–40 поколений сознательно реализовывали «тысячелетний план» доместикации растений, из поколения в поколение передавая принципы искусственного отбора, результаты которого будут использоваться в отдаленном будущем, у нас никаких оснований нет. Окультуривание везде происходило само по себе: люди снова и снова высаживали в землю одну и ту же популяцию растений, что позволяло закрепляться в ней случайным мутациям. Выведение культурных сортов из диких не было целенаправленным, сознательным актом, а было неожиданной наградой за верность традициям предков. Однако труд не может быть случайным, он или соответствует имеющейся общественной потребности, или не соответствует, но в таком случае и не является трудом. Как бы то ни было, мы не можем остановиться на признании селекции растений случайной. Раз это не была сознательная деятельность, значит, независимо от характера первобытного сельскохозяйственного труда в целом, труд по выведению культурных сортов следует признать инстинктивным.

Остается вопрос: насколько сознательным было кочевое ведение сельского хозяйства в целом? К счастью, у нас есть возможность приблизиться к ответу благодаря наличию в культурном багаже человечества такого уникального, древнейшего и в то же время достаточно хорошо изученного памятника, как Ригведа. Арии времен слагания гимнов Ригведы представляли собой кочевых земледельцев. Общая характеристика сознания ариев Ригведы на основе палеопсихологической теории Б.Ф. Поршнева нами была дана в специально посвященной этому статье [2], а в данной работе мы рассмотрим исключительно их отношение к земледелию, используя результаты исследований, полученных крупнейшим отечественным специалистом по ведийской культуре Татьяной Яковлевной Елизаренковой.

«Сочетания существительных – названий поля – луга – пастбища в РВ (Ригведе. – В. Г.) – с глаголами свидетельствуют о том, что поля и прочее завоевывали, захватывали, добывали, находили (боги для адептов), но ничего нельзя сказать на основании этих сочетаний, что поля вспахивали, засеивали и т. п. (хотя об этом есть прямые свидетельства иного рода – гимн божествам поля IV, 57)» [3, с. 150].

Уже на основании этого можно предположить, что сам по себе труд как гарант «обмена веществ между человеком и природой» (К. Маркс) даже во времена слагания ранних ведических гимнов еще оставался в значительной части вне сознания, носил в себе черты «первых животнобразных инстинктивных форм труда», которые Маркс, отметив, вывел из-под своего рассмотрения в 5-й главе 1-го тома «Капитала» как не относящиеся к его теме. Так, если человек осознает себя возделывающим почву, то мы вправе ожидать, что в многочисленных гимнах, где об этой почве прямо ведется речь или просто упоминается, он как-нибудь, да проговорится о своем сознании. Однако в Ригведе этого не наблюдается.

Но, может быть, арии Ригведы вовсе не возделывали почву, а лишь собирали урожай дикорастущих злаков? Опять нет – гимн, указанный Т.Я. Елизаренковой, прямо говорит об обратном:

IV, 57. <К божествам поля>

- 1 Благодаря господину поля,
Как с помощью доброго (друга) мы покоряем
(поле),
Кормящее скотину (и) коней.
Да смилуется он над такими, как мы!
- 2 О, господин поля, подоись у нас
Медовой волной, словно корова – молоком,
(Волной), сочащейся медом, прекрасно очищенной,
словно жир.
Да смилюются над нами господа закона!
- 3 Да будут нам медовыми растения,
Небеса, воды, медовым – воздух!
Господин поля да будет нам медовым!
Невредимые хотим мы двигаться за ним вслед!
- 4 На счастье (пусть будут) тягловые животные, на
счастье – мужи!
На счастье пусть пашет плуг!
На счастье пусть завязываются ремни!
На счастье помахивай стрекалом!

- 5 О Шуна и Сира, наслаждайтесь этой речью!
Та влага, которую вы создали на небе, –
Оросите ею эту (землю)!
- 6 Приблизься к нам, о борозда,
Приносящая счастье! Мы хотим славить тебя,
Чтобы была для нас приносящей счастье,
Чтобы была ты для нас очень плодородной!
- 7 Индра пусть вдавит борозду!
Пушан пусть направит ее!
Богатая молоком, пусть доится она для нас
Каждый следующий год!
- 8 На счастье наши лемехи пусть врезаются в землю!
На счастье пусть выйдут пахари с тягловыми жи-
вотными!
На счастье Парджанья (пусть оросит) медом (и)
молоком!
О Шуна и Сира, дайте нам счастье! [11, с. 420–421]

Как видим, этот гимн совсем не похож на привычное нам воспевание сельскохозяйственного труда, в центр внимания которого всегда помещается человек-труженик. Здесь он отгеснен на дальнюю периферию. И хотя отчетливо обозначены предмет и средства труда, самого труда как целенаправленной деятельности здесь нет, то есть процесс труда (по Марксу) еще не сложился: из трех его простых моментов центральный – отсутствует. «Мужи», «пахари», правда, упоминаются, но в одном ряду со средствами труда, вместе с тягловыми животными, при этом «пашет плуг», а не они. Нет субъекта трудовой деятельности, задающего ей цель. Вернее, такой субъект есть, между строк гимна он ясно прочитывается, но он есть объективно, а не субъективно, он выведен за рамки сознания поэта-риши, потому что этот «субъект» – сама суггестия, первобытная общность, неосознаваемое ощущение, «мы» как сакральная «первоэмоция» ритуала. Это ощущение предписывает определенные действия. В мифологическом сознании оно персонифицируется в качестве действующих *для людей* богов. Но если разобраться, то вся «милость» последних сводится к тому, чтобы земледелец производил больше, чем необходимо для его индивидуального воспроизводства, чтобы он не просто удовлетворял свою потребность, но производил для общества.

Такой труд полностью подчинен ритуалу, и поэтому он не труд, рассматриваемый в «Капитале». Он все еще противоположен сознательному труду. Однако он и не совсем

чужд ему – если бы было иначе, то нам следовало бы поставить под сомнение правомерность употребления здесь самого термина «труд». Как известно, одной из научных заслуг Маркса стало то, что он раскрыл внутреннюю противоречивость труда:

«Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, – и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости» [5, с. 93]. Таким образом, стоимость, по Марксу, человек создает именно несознательным, «животнообразным» трудом, подчиняясь чуждой ему, навязанной цели, удовлетворяя чуждую ему потребность в чужой рабочей силе, отчуждаясь в процессе труда от своей человеческой сущности.

Достижение путем развития товарного производства капиталистической формы, создавшей спрос на рабочую силу, сделало этот факт очевидным, хотя первоначально развитие товарного производства, по-видимому, имело противоположное значение: освобождало личность от сковывающего ее развитие подчинения ритуалу. Дело в том, что труд имеет и другую сторону, неразрывно связанную с сознанием конкретного труда. Именно поэтому мы не можем поставить рабочего в один ряд с первобытным собирателем и охотником. Ремесленный труд простого товарного производства развивал именно эту сторону труда, да так, что она полностью заслоняла для человека другую сторону: сама возможность сопоставить свой труд с каким-то другим трудом возникала перед человеком не раньше, чем готовый продукт труда попадал на рынок. Капиталистическому работнику эта сторона труда тоже известна, хотя и сильно нивелированная промышленной революцией. Однако определяющей социальное положение работника стала другая, *обесчеловечивающая* его, сторона, такая как создающий стоимость абстрактный труд. Абстрактный труд деперсонализирует человека, и мы имеем полное основание утверждать, что первобытный

инстинктивный труд вошел в тот труд, который мы и сегодня так называем.

Если мы отвлечемся от труда и станем говорить о всякой человеческой деятельности вообще, то мы увидим, что наше сознание контролирует далеко не каждое действие. Большинство из выполняемых нами действий, ставших привычными, доведено до автоматизма, то есть передается второй сигнальной системой, которая задает им общую цель, в ведение первой сигнальной системы, которая контролирует их в рамках заданной цели. Другими словами, речь идет о сознательно сформированных человеком рефлексах, примерами которых он окружен буквально со всех сторон, начиная от самых простейших действий, таких как обычная ходьба, и заканчивая управлением сложной техникой.

Противники теории инстинктивного труда первобытного человека считают важным аргументом коллективный характер его труда, будто бы коллективная охота уже сама по себе предполагает наличие у охотников сознания и развитой речи. Но, во-первых, они предпочитают не вспоминать при этом о животных-хищниках, многие из которых охотятся коллективно и, ни о чем не договариваясь, совершенно инстинктивно исполняют в общем действии различные роли. А во-вторых, на возможность коллективного действия людей, еще не способных к обмену сообщениями, указывают наблюдения за детьми. В начале 1920-х гг. в монументальном труде «Речь и мышление ребенка» Жан Пиаже описал в психоречевом развитии ребенка стадию «эгоцентрической речи». При том что само по себе сотрудничество в действии (игре) у детей женеvского «Дома малюток» исследователями наблюдалось уже начиная примерно с четырех – четырех с половиной лет, до 7–8 лет дети не стремились понимать друг друга, не тяготели к какой бы то ни было объективности при общении. Такое желание у них появляется только вместе с потребностью логического обоснования своих и чужих действий, то есть все к тем же 7–8 годам, – и тогда же у них появляется потребность работать сообща. До этого времени дети руководствуются в общении совсем другими стремлениями, подчиняясь потребности говорить, но не имея потребности слушать. Им важен сам процесс гово-

рения, а их общение между собой в целом однонаправленно [7, с. 38–42, 65–67, 102–103]. При этом отметим, что сам Пиаже в своей книге то и дело проводит параллели между детской психикой и психикой дикарей и первобытного человека [7, с. 5, 7, 12, 147, 169, 183, 349].

Позже Л.С. Выготский разглядел в «эгоцентрической речи» переходную ступень от «внешней» речи к «внутренней» [1, с. 90–96], что в целом соответствует переходу от отношений суггестии к контрсуггестии в палеопсихологии Поршнева. Таким образом, есть основания полагать, что способность к сознательному коллективному труду и в филогенезе формируется у человека не раньше, чем его способность к сознательному труду вообще; стало быть, лишь вместе с индивидуальной волей, способностями к размышлению и логике, сознанием в полном смысле слова, то есть комплексом психических явлений, которые Поршнеv связал с контрсуггестией [8, с. 16–24].

Конечно, как и в биологии, в психоречевом развитии онтогенез не повторяет филогенез, но проведение определенных параллелей между ними все-таки возможно, хотя бы потому, что, как в биологии, в психоречевом развитии филогенез представляет собой цепь онтогенезов, а значит, решающая стадия филогенеза та, на которой одно звено цепи сменяется следующим. Этот этап онтогенеза определяет общий уровень филогенетического развития. И наоборот: социальные условия, в которых развивается индивид, в целом определяют возможности его субъективного развития, так что крайне наивно полагать, будто бы первобытные люди, условия жизнедеятельности которых существеннейшим образом отличались от наших, могли обладать психикой, аналогичной нашей.

Соответственно, труд в начале человеческой истории мог быть только чем-то противоположным в своей основе труду, привычному нам, – труду как целесообразной деятельности. Это уже не был животный инстинктивный труд, поскольку подчинялся суггестивной прескрипции общности и, даже направленный на удовлетворение первостепенных жизненно важных потребностей, на самом деле, прежде всего, удовлетворял внушенную

социальную потребность. Но это все еще был «животнообразный», используя выражение Маркса, инстинктивный труд, поскольку процесс труда не находил своего отражения в сознании трудящегося человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2008. – 668 с.
2. Глущенко, В. В. Мифологическое сознание на примере Ригведы / В. В. Глущенко // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – № 2. – С. 22–24.
3. Елизаренкова, Т. Я. Слова и вещи в Ригведе / Т. Я. Елизаренкова. – М. : Восточная литература, 1999. – 240 с.
4. Марков, А. В. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа / А. В. Марков. – М. : Астрель : CORPUS, 2011. – 512 с.
5. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1 : Процесс производства капитала / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Т. 23. – М. : Госполитиздат, 1960. – С. 1–907.
6. Наймарк, Е. Б. Признаки культурных растений формировались независимо / Е. Б. Наймарк // Элементы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://elementy.ru/news/432246> (дата обращения: 02.05.2016). – Загл. с экрана.
7. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.
8. Поршнева, Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) / Б. Ф. Поршнева // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. – М. : Наука, 1971. – С. 7–35.
9. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнева. – СПб. : Алетейя, 2007. – 720 с.
10. Почему Хадза Танзании продолжают в наши дни заниматься охотой и собирательством? / М. Л. Бутовская, М. И. Драмбян, В. Н. Буркова, Д. А. Дронова // Полевые исследования института этнологии и антропологии. – М. : Наука, 2009. – С. 38–62.
11. Ригведа. Мандалы I–IV. / изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова ; отв. ред. П. А. Гринцер. – Изд. 2-е, испр. – М. : Наука, 1999. – 768 с.
12. Рогинский, Я. Я. К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа / Я. Я. Рогинский // Советская этнография. – 1954. – № 1. – С. 143–149.
13. Старостин, Г. С. Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации

/ Г. С. Старостин. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – Т. 1 : Методология. Койсанские языки. – 510 с.

14. Evidence of Lévy walk foraging patterns in human hunter-gatherers / D. A. Raichlen, B. M. Wood, A. D. Gordon [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2014. – Vol. 111, № 2. – P. 728–733. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.pnas.org/content/111/2/728.full> (date of access: 14.09.2016). – Title from screen.
15. Humphries, N. E. Optimal foraging strategies: Levy walks balance searching and patch exploitation under a very broad range of conditions / N. E. Humphries, D. W. Sims // Journal of Theoretical Biology. – 2014. – Vol. 358. – P. 179–193. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022519314003051> (date of access: 14.09.2016). – Title from screen.
16. Woodburn, J. An introduction to Hadza ecology / J. Woodburn // Man the Hunter / R. B. Lee, I. DeVore (eds.). – Chicago : Aldine, 1968. – P. 49–55.
17. Woodburn, J. Ecology, nomadic movement and the composition of the local group among hunters and gatherers: an East African example and its implications / J. Woodburn // Man, Settlement and Urbanism / P. J. Ucko, R. Tringham, G. W. Dimbleby (eds.). – L. : Duckworth, 1972. – P. 193–206.
18. Woodburn, J. Stability and flexibility in Hadza residential groupings / J. Woodburn // Man the Hunter / R. B. Lee, I. DeVore (eds.). – Chicago : Aldine, 1968. – P. 103–110.

REFERENCES

1. Vygotskiy L.S. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech]. Moscow, AST; AST Moskva; Khranitel Publ., 2008. 668 p.
2. Glushchenko V.V. Mifologicheskoe soznanie na primere Rigvedy [Mythological Consciousness: An Example of the Rigveda]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, 2014, no. 2, pp. 22-24.
3. Elizarenkova T.Ya. *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and Things in the Rigveda]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1999. 240 p.
4. Markov A.V. *Evolutsiya cheloveka. V 2 kn. Kniga 2: Obeziany, neyrony i dusha* [Human Evolution. In 2 Books. Book 2: Monkeys, Neurons and Soul]. Moscow, Astrel; CORPUS Publ., 2011. 512 p.
5. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. I: Protsess proizvodstva kapitala [Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1. Book 1]. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 23* [Works. Vol. 23]. Moscow, Gosudarstvennoye izd-vo politicheskoy lit-ry Publ., 1960. 908 p.
6. Naymark E.B. *Priznaki kulturnykh rasteniy formirovalis nezavisimo* [Signs of Cultivated Plants

Were Formed Independently]. *Elementy*. Available at: <http://elementy.ru/news/432246> (accessed September 14, 2016).

7. Piazhе Zh. *Rech i myshlenie rebenka* [Speech and Child's Thinking]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. 528 p.

8. Porshnev B.F. Kontr suggestiya i istoriya (Elementarnoe sotsialno-psikhologicheskoe yavlenie i ego transformatsii v razvitii chelovechestva) [Countersuggestion and History (Elementary Socio-Psychological Phenomenon and Its Transformation in Humanity Development)]. Porshnev B.F., Antsyferova L.I., eds. *Istoriya i psikhologiya* [History and Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 7-35.

9. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007. 720 p.

10. Butovskaya M.L., Drambyan M.I., Burkova V.N., Dronova D.A. Pochemu Khadza Tanzanii prodolzhayut v nashi dni zanimatsya okhotoy i sobiratelstvom? [Why does Tanzania's Hadza Continue to Engage in Hunting and Gathering Today?]. *Polevye issledovaniya instituta etnologii i antropologii* [Field Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2009, pp. 38-62.

11. Elizarenkova T.Ya., Grintser P.A., eds. *Rigveda. Mandaly I-IV* [Rigveda. Mandalas I-IV]. 2nd ed., rev. Moscow, Nauka Publ., 1999. 768 p.

12. Roginsky Ya.Ya. K voprosu o perekhode ot neandertal'tsa k cheloveku sovremennogo tipa [On the

Transition from Neanderthal to Modern Human]. *Sovetskaya etnografiya*, 1954, no. 1, pp. 143-149.

13. Starostin G.S. *Yazyki Afriki. Opyt postroeniya leksikograficheskoy klassifikatsii. T. 1: Metodologiya. Koysanskie yazyki* [Languages of Africa. Experience of Lexicographical Classification. Vol. 1: Methodology. Khoisan Languages]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2013. 510 p.

14. Raichlen D., Wood B., Gordon A., et. al. Evidence of Levy Walk Foraging Patterns in Human Hunter-Gatherers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2014, vol. 111, no. 2, pp. 728-733.

15. Humphries N., Sims D. Optimal foraging strategies: Levy walks balance searching and patch exploitation under a very broad range of conditions. *Journal of Theoretical Biology*, 2014, vol. 358, pp. 179-193. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022519314003051>. (accessed September 14, 2016).

16. Woodburn J. An Introduction to Hadza Ecology. Lee R.B., DeVore I., eds. *Man the Hunter*. Chicago, Aldine, 1968, pp. 49-55.

17. Woodburn J. Ecology, Nomadic Movement and the Composition of the Local Group among Hunters and Gatherers: an East African Example and its Implications. Ucko P.J., Tringham R., Dimbleby G.W., eds. *Man, Settlement and Urbanism*. London, Duckworth, 1972, pp. 193-206.

18. Woodburn J. Stability and Flexibility in Hadza Residential Groupings. Lee R.B., DeVore I., eds. *Man the Hunter*. Chicago, Aldine, 1968, pp. 103-110.

LABOUR IN THE BEGINNING OF HUMAN HISTORY

Vitaliy Vitalyevich Glushchenko

Postgraduate Student, Department of Philosophy, Political Science and Law,
Krasnodar State Institute of Culture

kutx2001@mail.ru

40-letiya Pobedy St., 33, 350072 Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article develops B.F. Porshnev's conception on the Beginning of human history. Using dialectical method, the author highlights some of features of Labour in the Beginning of human history. The article provides new arguments in favor of the theory of primitive man's "instinctive labour". The research of the issue involves the latest materials of the foreign anthropology, such as "Evidence of Lévy walk foraging patterns in human hunter-gatherers" (Raichlen et al.), the results of research on plant domestication, the study of ancient Indian literary monument "Rigveda" by Russian philologist T. Elizarenkova, as well as data of psychological classical works by J. Piaget and L. Vygotsky. It argues that the primitive labour does not have the personal subject because the subject is a common suggestion. At the beginning of human history, a sense of human community defines the purpose of work, but people are not aware of this process. The author carries out a comparative analysis of the contents of Primitive Labour and Marx's Modern Labour concepts and reveals primitive "instinctive labour"

which is included into the modern labour as its integral part. The article concludes that the content of the Labour at the Beginning of Human history concept is opposite to the content of the Modern Labour concept.

Key words: labour, sociality, evolution, paleolithic paleopsychology, suggestion, beginning of human history.